

ПОЛИТИКА

А.Н.Карнеев

КИТАЙ ВРЕМЕН МИРОВОГО КРИЗИСА

Не исключено, что впоследствии, описывая события XXI в., историки будут рассматривать 2009 г. как своего рода рубеж, с которого началась новая эпоха в истории *глобализации*. Среди множества других важных изменений, выявившихся благодаря переживаемому сейчас мировому экономическому кризису, особого внимания заслуживает стремительная адаптация мирового общественного мнения к превращению Китая в державу, чья глобальная роль серьезно корректирует архитектуру мировой политики, до сих пор покоившуюся на казавшейся неизблемой гегемонии Америки. Если последующие годы подтвердят, что такое «возвышение Китая» действительно меняет структуру современного миропорядка, то тогда действительно кризис, начавшейся в 2008 г. с неурядиц на рынке ипотечных закладных в США, можно будет считать некоей точкой, в которой накапливавшиеся долгое время количественные изменения привели к новому качеству.

Новые моменты во внутривнутриполитическом развитии Китая и его положении на мировой арене вызывают сегодня беспрецедентный интерес во всем мире. Проводившиеся там с конца 1970-х годов реформы доказали, что развитие Китая неотделимо от развития всего мира, но теперь стало очевидно, что развитие мира неотделимо от развития Китая. И этот исторический сдвиг в отношениях страны с внешним миром фиксируется не только китайскими специалистами.

За прошедшие годы все настолько привыкли к сообщениям об удивительном динамизме китайской экономики и неуклонном росте влияния и могущества Китая, что даже такие критики современного пекинского руководства, как автор «Грядущего коллапса Китая» Гордон Чжан, считают разговоры о наступлении эры Китая и новой сверхдержаве XXI в. чем-то само собой разумеющимся. Проецируя тенденции последних трех десятилетий на будущее, экономисты спорят о том, через сколько лет — 10, 15 или 25 — китайская экономика станет крупнейшей в мире. Все выглядит так, будто на стороне Пекина выступает сама история. На протяжении полутора тысяч лет после падения Римской империи Поднебесная была «мировой сверхдержавой». Затем наступила эра Европы, а затем — США. Разве не логично, рассуждают китайцы, что в новом тысячелетии факел лидирующей нации вернется к своему законному хозяину?

**Китай учится быть
сверхдержавой**

По сведениям ряда зарубежных обозревателей, Генсек ЦК КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао, который возглавляет также «Руководящую группу ЦК КПК по международным вопросам», и другие члены

китайского руководства в Пекине изучают возможности осуществления так называемой «дипломатии квазисверхдержавы». Несмотря на то что слухи о вероятном создании G2, Кимерики, Pax Americhina или Chinamerica официально неизменно опровергаются как «уловки западных политиков», в общественном дискурсе ось Пекин—Вашингтон является постоянной темой обсуждения: китайская общественность, как и зарубежная, не может абстрагироваться от того факта, что решение многих мировых проблем, по крайней мере в экономической области, сегодня действительно зависит от взаимодействия этих двух держав.

За годы пребывания Ху Цзиньтао у власти Китай серьезно нарастил свою совокупную экономическую, военную и государственную мощь, что позволяет китайским политологам говорить о необходимости выстраивания системы глобального влияния Китая, которая бы соответствовала его новой роли в глобальной экономике. Неуклонно растущие расходы на оборону, превышающие сегодня 17% от ВВП страны, свидетельствуют о быстрой военной модернизации КНР. Весной этого года министр обороны КНР сообщил о планах создания авианосцев, подтвердив тем самым предположения экспертов о намерении страны форсировать создание «флота открытого моря» с целью распространить свое влияние на все регионы мира. Ряд китайских специалистов в области военной стратегии высказывается за отказ от «устаревшей» теории оборонительной войны и расширение сферы ответственности Народно-освободительной армии Китая (НОАК), которая должна включать в себя не только территорию страны, но и «зоны национальных интересов». Серьезное внимание уделяется также продвижению «мягкой власти» Китая: так, в феврале этого года Пекин объявил о выделении 6,6 млрд. долл. на реализацию пакета мер информационно-пропагандистского характера, направленных на создание глобальных новостных ресурсов на ведущих мировых языках.

Китай и мировой кризис

Как и 10 лет назад, во время азиатского финансового кризиса, Китай, сохранивший относительно изолированную от мировых рынков капитала финансовую систему, демонстрирует уверенный рост экономики, особенно впечатляющий на фоне тех проблем, которые испытывают сегодня экономики большинства других государств. Но хотя напрямую КНР практически не пострадала от глобального финансово-экономического кризиса, она ощутила на себе его влияние: падение потребления в странах, являющихся ведущими торговыми партнерами Китая, неизбежно сказалось на объеме его экспорта.

Для того чтобы смягчить воздействие кризиса, в ноябре 2008 г. китайское правительство приняло пакет антикризисных мер, нацеленных на стимулирование внутреннего спроса, дальнейшее развитие инфраструктуры, ускорение структурной перестройки промышленности и поддержку сельского хозяйства, запланировав выделить на их реализацию астрономическую сумму в 4 трлн. юаней (586 млрд. долл.).

По оценкам экспертов, в пропорции к ВВП китайская антикризисная программа в три раза «весомей» американской.

Осуществляемые в Китае антикризисные меры уже привели к оживлению экономики, и, судя по всему, рост ВВП в текущем году там составит не менее 8% (эта цель отражена в установке *бао ба* — «обеспечить восемь»). Вместе с тем реализация антикризисного пакета обещает дать и более долговременный эффект, нежели темпы роста ВВП в этом или следующем году.

Во втором квартале 2009 г. реальный ВВП Китая увеличился на 7,9% (против 6,1% в первом квартале). Промышленное производство в июне выросло на 10,7% (по сравнению с тем же месяцем прошлого года), инвестиции в недвижимость — на 17,9%. Рост розничных продаж в первом полугодии достиг 15%. Банки, являющиеся в Китае инструментами государственной политики, смягчили свою кредитную политику; рекордными темпами растет показатель денежной массы M2. Правительство собирается дополнительно выделить 20 млрд. юаней, чтобы стимулировать приобретение населением бытовой электротехники (телевизоров, холодильников и т.п.).

Примечательно, что из 4 трлн. юаней антикризисных ассигнований, которые должны быть освоены в течение двух лет, 70% предстоит изыскать местным властям, причем подготовленные ими проекты подлежат утверждению Пекином. Центральное правительство помогает местным властям через выпуск облигаций, долгосрочное кредитование и поддержку корпоративных обязательств. Кроме того, как отмечают эксперты, 4 трлн. юаней — это условная, политически нагруженная цифра, призванная продемонстрировать решимость правительства противостоять кризису; техническое же осуществление «антикризисного пакета» представляет собой довольно сложный и не во всем прозрачный процесс. К тому же в антикризисные ассигнования включены средства, выделенные на решение тех или иных специальных задач еще в докризисный период (к ним относятся, в частности, средства на восстановление пострадавших от разрушительного землетрясения 2008 г. районов провинции Сычуань).

Самая значительная часть антикризисных ассигнований — более половины — направляется на развитие инфраструктуры, в том числе на строительство скоростных шоссе, железных дорог и линий электропередачи. Подобного рода вложения позволяют увеличить спрос на продукцию смежных отраслей и стимулировать занятость. Вторая по значимости статья расходов (около четверти всего пакета) — упомянутые выше восстановительные работы в провинции Сычуань, третья — поддержка деревни (12%). Запланированы также инвестиции в охрану окружающей среды, строительство дешевого жилья, развитие науки, медицины и образования.

Сигнал, поступивший из Пекина, и сверхзадача «держать ВВП» побудили банки к беспрецедентной либерализации своей кредитной политики. В первом квартале 2009 г. общий объем выданных ими кредитов достиг 4,6 трлн. юаней. Другими словами, за три месяца текущего

года банки успели раздать кредитов на сумму, превышающую весь пакет антикризисных мер, рассчитанный на два года.

Несмотря на заметные успехи китайского правительства в борьбе с кризисом, его антикризисная политика подвергается серьезной критике. К ее недостаткам обычно относят чрезмерную кредитную накачку экономики, неоправданную дискриминацию частного бизнеса и малых и средних предприятий, неконтролируемое кредитное «надувание» госпредприятий и «придворных» проектов местных властей, отсутствие экологических критериев при отборе и утверждении производственных программ, перегрев рынка недвижимости, всплеск коррупции и злоупотреблений, негативные социальные последствия. По мнению ряда авторов левого толка, за фасадом «китайского экономического чуда» скрывается эксплуатация китайских рабочих мировым капиталом.

Согласно известному экономисту «неортодоксального направления» Лан Сяньпину, главной проблемой современной китайской экономики является недостаточное внимание к промышленности, прежде всего к машиностроению, «упадок» которого проявился еще в начале 2008 г. Китайское правительство, считает он, дезинформирует общественность, возлагая ответственность за это на кризис в США. На самом деле причина произошедшего — искажения и диспропорции в экономической политике самого Китая, в результате которых из трех факторов, стимулирующих рост экономики, — инвестиции, экспорт, потребление — здесь работают только первые два. Китайское машиностроение (по крайней мере, его часть, интегрированная в мировую экономику) есть элемент глобальной производственной цепочки, самые прибыльные звенья которой (дизайн, закупка сырья, логистика, оптовая и розничная сети сбыта), как правило, принадлежат западным компаниям. На долю же Китая остаются звенья с наименьшим содержанием добавленной стоимости... и издержки в виде вреда окружающей среде, растраты ресурсов, чрезмерной эксплуатации рабочих.

Характеризуя описанное положение вещей как «родовое пятно капитализма с китайской спецификой», Лан Сяньпин критически оценивает также такие установки 1990-х годов, как «индустриализация» образования и здравоохранения, будучи убежден, что тем самым правительство, озабоченное прежде всего бесперебойной работой «мировой фабрики», перекладывает свою ответственность на плечи граждан.

**В чем секрет
«китайского
чуда»?**

В свое время Мао Цзэдун провозгласил, что «китайский народ поднялся с колен». На тот момент это было некоторым преувеличением. В эпоху классического социализма Китай только приподнялся на одно колено. Из двух главных задач китайской революции — объединить раздираемую смутами страну и преодолеть отсталость экономики — китайские коммунисты смогли решить тогда только первую. Для решения второй задачи населению страны пришлось ждать начала «политики реформ и открытости», когда Китай открыл для себя секрет

восточноазиатского экономического чуда в форме направляемого государством капитализма японского типа. Его экономика стала расти как на дрожжах, поставив под вопрос сложившийся баланс сил в регионе и в мире.

Начиная со времен промышленной революции базовой причиной напряженности в мировой политике неизменно выступала неравномерность экономического развития. Эта неравномерность позволила странам, первыми осуществившим индустриализацию, использовать свою мощь для подчинения и эксплуатации неиндустриализованных регионов мира. В свою очередь, пробудившиеся элиты подчиненных народов искали пути преодоления своей отсталости, стремясь сравняться с мировыми лидерами.

Но каким образом периферийные общества, даже если они сумели завоевать национальную независимость, могут вырваться из зависимости экономической или политической? По мнению известного политолога Эндрю Яноша, существуют две стратегии решения этой задачи.

Первая стратегия — попытаться изменить свое положение в мире посредством войны или революции. Такая стратегия предполагает революционную риторику, милитаризацию общества и мобилизацию масс на силовое разрушение или трансформацию сложившейся системы отношений на мировой арене.

Вторая стратегия — воспроизвести технологические инновации развитых стран. Такая стратегия может выражаться в использовании государством таможенных пошлин для защиты от более сильных конкурентов, но может включать в себя экономический дирижизм, картеллизацию и стратегическое распределение финансовых ресурсов. В последнем случае «развитие» способно превратиться в основной легитимирующий и организующий принцип социальной системы, вытеснив демократическое представительство, традицию и другие политические и культурные принципы. Подобного рода режим может быть назван «государством развития» (*development state*). Именно с этой стратегией преодоления отсталости и зависимости и стал экспериментировать Китай при Дэн Сяопине.

Что такое государство развития? Согласно автору классического исследования истоков «японского чуда» Чалмерсу Джонсону, сама идея *государства развития* родилась в контексте ситуационного национализма стран догоняющей модернизации, и его цели всегда определялись на основе сравнений с экономиками передовых стран. Так, японская экономическая стратегия первых послевоенных десятилетий, по сути, продолжала традиции немецкого «экономического национализма», или неомеркантилизма.

Проблема здесь не во вмешательстве государства в экономику. В экономику так или иначе вмешиваются все государства. Проблема в том, *как* государство вмешивается и с какими целями. В ходе индустриальной революции государство стало брать на себя новые функции. Но если в странах, первыми вставших на путь индустриализации, оно

выполняло главным образом регулятивные функции, то в «опоздавших» ему пришлось возглавить движение к индустриализации, то есть взяться за осуществление *функций развития*. Эти две ориентации — на регулирование и на обеспечение развития — породили две модели взаимодействия между правительством и бизнесом.

Ключевую роль в реализации государством функции развития играет *промышленная политика* как комплекс политических установок, нацеленных на защиту собственной промышленности, развитие стратегических отраслей, преобразование экономической структуры в ответ на ожидаемые внутренние и внешние изменения или в связи с ними. Промышленная политика есть отражение экономического национализма, то есть преимущественного внимания к интересам своей нации, что вовсе не обязательно предполагает протекционизм, контролирующую торговлю или экономические войны — на каких-то этапах национальным экономическим интересам может отвечать и режим свободной торговли. Тем не менее подобная политика всегда исходит из того, что глобальную экономическую систему нельзя рассматривать в категориях свободной конкуренции: в частности, исключено свободное перемещение между странами трудовых ресурсов, то же самое относится и к технологиям.

В 1980-е годы Китай начал всерьез осваивать уроки ускоренного экономического роста, преподанные рядом других государств Восточной Азии. Коммунистическая партия стала исподволь внедрять национализм вместо марксизма, распахнув свои объятия для 60 млн. китайцев, проживающих за пределами КНР. Одновременно она открывала страну для иностранной торговли и инвестиций. Эта стратегия оказалась гораздо более обещающей в плане достижения второй цели китайской революции — приблизиться к богатым странам по доходам на душу населения. Поскольку Китай — самая населенная страна в мире, успешное решение этой задачи будет равнозначно превращению КНР в самое могущественное государство в мире.

Некоторые китайские и иностранные специалисты полагают, что китайская модель принципиально отличается от «восточноазиатской», а экономическая стратегия Китая — от стратегии, которую использовала Япония в предшествующие десятилетия. По их утверждению, Китай, в отличие от Японии, старается избегать эгоистической политики, базирующейся на принципах неомеркантилизма и протекционизма, что позволяет другим странам посредством торговли и инвестиций получать выгоду от китайского экономического подъема. По сути дела, именно эта установка и лежала в основе теории «мирного подъема Китая», наделавшей столько шума в начале президентства Ху Цзиньтао. В области внешней политики стратегия «мирного подъема» подразумевала становление Китая как «ответственной» державы, активно действующей на благо региональной и глобальной стабильности и развития, участвующей в многосторонних организациях и механизмах. В качестве примеров подобного сдвига приводили, в частности, действия

КНР во время азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов, важную роль, которую играет страна в шестисторонних переговорах по корейской ядерной проблеме, ее инициативу по созданию и развитию Шанхайской организации сотрудничества, участие в миротворческих операциях в ряде африканских стран и т.д.

О том, что теория «мирного подъема» знаменует собой новый этап в китайской внешней политике, свидетельствовала не только интенсивность ее обсуждения (тем более что после нескольких месяцев оживленных дискуссий эта концепция была лишена статуса официальной), но и практические действия Китая на международной арене начиная примерно с 2000 г. Уже в это время специалисты обратили внимание на возросшую активность китайской дипломатии, стремление подкрепить экономическую мощь более уверенной и целеустремленной дипломатической стратегией. Как отмечали авторы статьи «Новая дипломатия Китая», опубликованной в 2003 г. в американском журнале «Foreign Affairs», «мы наблюдаем сейчас рождение Китая как активного игрока на международной арене. В последние годы Китай начал занимать менее конфронтационную, более изощренную... и временами более конструктивную позицию по региональным и глобальным проблемам... [Он] принял существующую в современном мире конфигурацию международных институтов, правил и норм и сделал это сознательно, как средство продвижения своих национальных интересов. Он пошел в этом отношении еще дальше и приложил усилия к тому, чтобы в какой-то мере тоже оказывать влияние на эволюцию этой системы».

В 1989 г., после драматических событий на площади Тяньаньмэнь, Дэн Сяопин выдвинул свою знаменитую формулу, ставшую своего рода дипломатической «мантрой» китайского руководства в выстраивании отношений страны с окружающим миром: «Хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям». В условиях 1989 г. эта формула, получившая широкую известность как *тао гуан ян хуэй* («скрывать свои возможности и не высовываться»), несомненно, имела определенный смысл. Теперь же в китайских СМИ звучат призывы к творческому ее «преодолению» и отказу от «дипломатии с поджатым хвостом», особенно с учетом того, что дэновское высказывание намекало на наличие некоего стратегического замысла и тем самым вызвало настороженность иностранных партнеров. Похоже, что именно сегодня, в разгар мирового кризиса, сложился благоприятный контекст для перехода Китая к гораздо более активным формам продвижения своего влияния. По мнению китайских политологов, такую трансформацию стимулирует уже сама степень вовлеченности страны в глобальные проблемы. Например, вызвавшие столь большой резонанс китайские предложения о новой наднациональной резервной валюте, бесспорно, отражают крайнюю обеспокоенность КНР тем, что может произойти с накопленной ею горой американских долларов.

Иной точки зрения придерживается бывший посол КНР во Франции ректор Дипломатического института У Цзяньмин, который полагает, что формула «скрывать свои возможности и не высовываться» останется актуальной еще как минимум сто лет. В июне этого года, выступая в США с лекцией, посвященной 60-летию дипломатии КНР, У Цзяньмин заявил, что пока ВВП страны на душу населения составляет только 3 тыс. долл., ей не следует прибегать к жестким мерам в отстаивании своих национальных интересов, так как это усилит опасения иностранцев в отношении «подъема Китая». Его выступление вызвало волну гневных комментариев в китайской блогосфере, главным содержанием которых стало развенчание формулы *тао гуан ян хуэй* как идеологии либералов-западников, готовых продать национальные интересы международному капиталу. По всей видимости, значение общественного мнения, даже когда оно не соответствует линии официальных властей, в ближайшие годы будет возрастать.

Китай и глобализация

Рассматривая подъем Китая, многие китайские специалисты подчеркивают, что ему удалось воспользоваться историческим шансом в виде глобализации и без учета этого фактора невозможно уяснить истоки китайского экономического чуда.

После начала «стратегического диалога» между КНР и США в Китае резко возрос интерес к проблемам эволюции международной системы. При анализе современных тенденций в развитии мировой экономической системы китайские ученые широко используют введенный ими в оборот термин «международная специализация на основе сотрудничества в области факторов производства». В свою очередь, место Китая в мировой экономической системе описывается с помощью понятия «сила притяжения факторов производства» (СПФП), которую китайские аналитики считают «сердцевиной государственной мощи Китая» в условиях экономической глобализации.

Специфика СПФП заключается в том, что она обеспечивает «привязку» международного сообщества к обладающему ей государству. Имеющиеся у развитых стран капиталы, технологии, управленческий опыт и сети сбыта не могут создавать новую стоимость в отрыве от земли и рабочей силы, от конкретного процесса производства. Посредством политики реформ и открытости Китай способен обратить себе на пользу возникшие благодаря глобализации возможности, сформировав площадку с мощной СПФП.

Следует отметить, что понятие «притяжение факторов производства» гораздо шире понятия «привлечение зарубежных инвестиций». Помимо капитала, к факторам производства относятся техника, управленческий опыт, информация, брендинг, патенты и лицензии, сервис, транснациональная система управления, глобальная система сбыта и дистрибуции и т.д. Привлечение иностранных инвестиций — не более чем один из инструментов макроэкономической политики, способный

принести выгоду соответствующей стране, тогда как притяжение факторов производства есть механизм размещения ресурсов в условиях экономической глобализации, и наличие у кого-то мощной СПФП влияет на всю глобальную экономику.

В последнее время в среде международных экспертов активно обсуждается проблема глобального экономического дисбаланса. При этом значительная часть комментаторов фокусирует внимание на двойном дефиците (внешней торговли и бюджета) США, увязывая его с заниженным курсом юаня. Накануне мирового финансового кризиса дефицит США в торговле с Китаем достиг почти 300 млрд. долл., что составляет почти треть от общего дефицита торгового баланса США. Как отмечает автор предисловия к русскому переводу книги американских экспертов «Китай: что следует знать о новой сверхдержаве», «в результате многие видят в Китае страну, заменившую Японию в качестве главной торговой державы Азии, которая ведет торговлю мелочно-расчетливо и исходит при этом исключительно из своих корыстных интересов».

Очевидно, что дефицит торгового баланса США непосредственно связан с положительным торговым балансом Китая. Но истоки мирового экономического дисбаланса кроются отнюдь не в эгоистической политике КНР. Механизм его образования гораздо сложнее.

С начала 90-х годов XX в. Китай, наряду с рядом других стран Азии, вошел в число лидеров экономического роста. Глобализация позволила им сконцентрировать в своих руках большие объемы факторов производства и, используя свою дешевую рабочую силу, развернуть производство на экспорт. Со своей стороны, ТНК создали в Азии глобальную «производственную платформу» с низкой себестоимостью, обеспечившую возможность удовлетворения растущего спроса в США без заметного увеличения инфляции. Чем большую прибыль получают США от своих международных инвестиций, чем больше они обогащают, тем значительнее там внутреннее потребление — и отрицательнее сальдо торгового баланса. Концентрация факторов производства в определенных странах вызвала к жизни феномен государств «производственного типа» с высоким экспортным потенциалом и активным сальдо внешней торговли. Но рост экспортного потенциала не означает повышения эффективности внутренних факторов производства Китая и других азиатских стран: высококачественные факторы производства поступают туда извне.

Появление «глобальной площадки предложения» привело к тому, что, когда правительство США стимулирует спрос, это влечет за собой не оживление американской экономики, а рост импорта, прежде всего из Китая и других азиатских стран. Поскольку китайский фондовый рынок не либерализован, поступающие капиталы увеличивают лишь основные средства, тем самым способствуя дальнейшему наращиванию производственных мощностей страны. Низкий уровень потребления обуславливает чрезвычайно высокую роль внешних факторов как

стимуляторов роста ее экономики. Американские инвестиции создают в Китае дополнительную прибыль, увеличивая потенциал американского импорта, так как дешевые китайские товары подавляют инфляцию. Растущие объемы финансовых активов в США ведут к снижению нормы накопления, постоянно расширяя потребление, а значит — и импорт. Именно в этой новой реальности эпохи глобализации и мобильности факторов производства и кроются причины глобального экономического дисбаланса. Другими словами, глобальный экономический дисбаланс есть логическое следствие глобализации, изменившей всю механику мировой экономики. И если Китай и несет свою долю ответственности за его возникновение, то лишь потому, что китайская модель развития сложилась в результате приспособления к экономической глобализации и является неотъемлемой ее частью.

Сегодня дисбаланс мировой экономики проявляется прежде всего в сфере международных платежей и валютных курсов, однако в его основе лежит вызванная глобализацией концентрация международных факторов производства. Поэтому, как подчеркивают китайские авторы, попытки устранить его посредством таких мер, как повышение курса юаня (на чем настаивают США), заведомо обречены на провал. Кроме того, хотя Китай как «ответственная великая держава» должен прилагать усилия для достижения глобального экономического процветания, такое процветание не может обеспечиваться за счет искусственного сдерживания им своего экспорта и притока иностранных инвестиций, то есть ослабления самого себя. Стабильная глобальная экономика, доказывают они, станет возможной только тогда, когда все страны мира создадут эффективные механизмы приспособления к глобализации. Этим пунктом своих рассуждений китайские ученые фактически указывают на то, что Китай гораздо лучше приспособился к глобализации, чем многие развитые страны. И с этой оценкой согласно немало ведущих западных аналитиков.

**Период
стратегических
возможностей?**

В последнее время среди журналистов и политологов стало модно рассуждать о потенциальной роли Китая как «спасителя» мировой экономики. По мнению авторов журнала «Time», нынешняя ситуация открывает перед Китаем уникальную возможность продемонстрировать свои возможности «мирового лидера». Однако, судя по всему, подобная перспектива мало привлекает китайское руководство. Китай с его ВВП в 4,4 трлн. долл. (против 14 трлн. долл. в США, не говоря уже о разрыве в показателях ВВП на душу населения) не станет — да и не сможет — заниматься «спасением мировой экономики»: перед ним стоит еще множество нерешенных внутренних задач.

Вместе с тем бросается в глаза, что кризис стал катализатором целого ряда политик, которые активно развивались и в докризисный период, но теперь получили дополнительную динамику. В частности, речь идет о приобретении через сеть крупных государственных компаний

месторождений природных ископаемых, земельных угодий, пакетов акций инфраструктурных, высокотехнологических компаний и других стратегических активов. В ряду самых громких сделок, обсуждавшихся в последние месяцы, — крупные контракты с «Роснефтью» в России, «Петробра» в Бразилии и «Рио Тинто» в Австралии.

Некоторые китайские политологи идут еще дальше и, ссылаясь на опыт СССР периода мирового кризиса 1929 г., призывают руководство КНР воспользоваться благоприятной конъюнктурой и постараться «обобрать» Запад, скупив по низким ценам нужные стране патенты, технологии и специалистов. В унисон этим настроениям звучат голоса тех, кто убежден, что Китай уже может не просто заявить (с разрешения Вашингтона) о своем новом статусе «акционера мировой системы», но и продвинуться к достижению стратегической цели — обеспечению своего лидерства в будущем мироустройстве. Пятидесятилетняя история Китая доказывает, полагает известный публицист национал-патриотического толка Ван Сяодун, что под контролем Китая мировые сырьевые и прочие ресурсы будут в более надежных руках, чем под контролем Запада.

Растущее нежелание Китая мириться с гегемонией Запада нашло отражение в лозунге расширения его права «генерировать свои идеи», «свою повестку дня». Китайская элита готова бросить вызов «нормативной власти» Запада. Теперь это становится более реальным, чем раньше. Глубина мирового финансово-экономического кризиса подорвала казавшееся непоколебимым доверие к западной модели экономического и социального развития. Тупик, в который зашла политика Дж.Буша на Ближнем Востоке и в Африке, а также тактика нынешнего президента США Б.Обамы, сосредоточившегося на прагматическом (и даже в каком-то смысле эгоистическом) отстаивании национальных интересов, иногда в ущерб идеологическим принципам, усиливают привлекательность «Пекинского консенсуса».

Одним из проявлений нарастания в Китае антизападных настроений стала активизация так называемых «новых левых»¹. Несмотря на идейную неоднородность данного течения, его сторонников объединяет подозрительное отношение как к экономическому либерализму, так и к демократии западного типа. «Новые левые» выступают за сохранение монополии коммунистической партии, усиление роли государства в процессе экономических преобразований и противодействие центристским тенденциям, рассматривая распад Советского Союза как «великое предостережение» для Китая. Некоторые из них хотели бы видеть элементы традиционной китайской культуры и философии в качестве базовых принципов будущего мироустройства.

Другим набирающим силу течением в китайской общественной мысли является национализм, иногда выступающий в тандеме или в рамках течения «новых левых», но постепенно обретающий и собственное звучание. Об этом свидетельствует, в частности, полемика вокруг

¹ К числу ведущих идеологов этого направления обычно относят Цзо Дапэя, Цуй Чжюаня, Ван Шаогуана, Гань Яна, Лан Сяньпина, Вэнь Тецзюна и Ван Хуэя.

вышедшей весной этого года и уже побившей все рекорды популярности книги «Китай недоволен» (*Чжунго бу гаосин*).

У наблюдателей, следящих за развитием современного Китая, ажиотаж вокруг книги «Китай недоволен» должен был вызвать чувство *дежа вю*. Чуть больше десяти лет назад почти такой же сенсационный резонанс вызвала книга «Китай может сказать „нет“», ставшая манифестом так называемой «рассерженной молодежи». (Естественно, что, по мнению авторов, сказать «нет» следовало странам Запада и в особенности США.) Но если в 1996 г. «рассерженные молодые люди» в основном выплескивали эмоции в связи с враждебным отношением Запада к «подъему Китая», то в нынешнем бестселлере² уже содержится более или менее четко артикулированная программа, направленная на достижение Китаем лидерства в современном мире. Так, согласно одному из столпов современного китайского национализма Ван Сяодуну, главное, что мешает Китаю исполнить свою великую миссию, — это позиция Запада во главе с США. В условиях враждебного окружения, доказывает он, Китай может рассчитывать исключительно на себя. Он должен копить силы и готовиться к решительной схватке. Но сначала китайской нации нужно преодолеть ряд препятствий, важнейшими из которых являются отсутствие достаточного жизненного пространства и нехватка сырьевых ресурсов. Текст книги наполнен призывами к борьбе с «национальным пораженчеством», тлетворным влиянием либералов и «пятой колонной». По мнению нового поколения «недовольных», Китаю следует более жестко реагировать на поддержку Западом «антикитайских сил», прилагать усилия к воспитанию «воинственной нации», «корпуса героев», «вести торговлю с мечом в руках», всемерно укреплять НОАК, которая «должна быть везде, где присутствуют национальные интересы» КНР, и т.д.

² Некоторые из его авторов участвовали и в написании предыдущего.

Интересно, что, хотя острие атак авторов книги направлено на страны Запада и их «приспешников», они не отрицают необходимости расширения демократии в самом Китае. В связи с этим ими выдвигается парадигматический лозунг: «Внутри страны отстаивать права человека, за ее пределами — бороться за права нации» (*дуй нэй сю миньцюань, дуй вай чжэн цзюцюань*).

В официальных китайских СМИ идеи, высказанные в «Недовольном Китае», трактуются как проявление молодежного максимализма и «незрелого патриотизма». Часть комментаторов объясняет выход в свет данного политического памфлета желанием извлечь коммерческую выгоду из всплеска ксенофобских настроений в связи с реакцией западного общественного мнения на события в Тибете и призывами к бойкоту Пекинской олимпиады. Тем не менее не вызывает сомнений, что и сама эта книга, и стимулированная ею полемика указывают на высокий градус патриотических и националистических настроений в китайском обществе в условиях изменения конфигурации мировой политики и утверждения страны в качестве все более важного самостоятельного игрока глобального уровня.

**Внутренние
вызовы**

В потоке аналитических и прочих материалов о современном Китае нет недостатка и в пессимистических прогнозах. Тут и замедление экономического роста, и обострение социальных проблем, и нарушение политической стабильности, и даже утрата КПК своей власти. По мнению упоминавшегося выше Гордон Чжана, «сегодня Китай находится в середине пути непонятно куда, без всякого консенсуса относительно будущего. Той доли контроля, от которой уже отказалось центральное правительство, достаточно для того, чтобы выпустить на волю силы разрушения, но слишком мало для доведения до конца дела трансформации. В итоге страна как бы дрейфует, не желая идти вперед так быстро, как нужно, и неспособная повернуть назад».

Симптомы нарастающих трудностей прослеживаются повсеместно. Фанатизм, который в эпоху Мао вел население страны от одной политической кампании к другой, полностью выгорел, опустошив китайцев духовно. Добившись выдающихся успехов в экономической сфере и укреплении мощи страны, КПК, никогда не отличавшаяся излишней терпимостью к оппонентам, окончательно уверовала в то, что судьба вручила ей миссию бесценно вести вперед китайский народ, и не слышит никого, кроме себя самой. Как партия, взявшая на себя ответственность за все, она вынуждена бороться с многочисленными и разноплановыми вызовами, исходящими от внутри- и внесистемных приверженцев демократизации, выступающих за реформирование политической системы, молодежи, недовольной цензурой в интернете, национальных меньшинств, желающих большей автономии для Тибета и Синьцзяна, адептов религиозных сект вроде Фалуньгуна и многих других. Угрозу для стабильности власти несет в себе прогрессирующее недовольство крестьян поборами местных кадровых работников, а также возмущение населения коррупцией в госаппарате и в правящей партии, особенно в ее руководстве. Серьезную проблему представляют и блуждающие армии «временных рабочих», наполовину оторвавшихся от деревни, но не интегрировавшихся в городской социум, по численности превышающие население нескольких крупных европейских стран вместе взятых.

Конечно, КПК делает немало, но вопрос в том, может ли она позволить себе пойти по пути достаточно серьезных перемен и структурных реформ. Усилия властей наталкиваются на множество подводных камней. Одним из них является углубляющаяся пропасть между бедными и богатыми в официально коммунистической стране. Не так все просто и с самой властью КПК. Ее легитимность в глазах населения сейчас базируется не на идеологии, а на способности обеспечить быстрый экономический рост. Между тем Китаю вряд ли приходится рассчитывать на то, что его товары будут и дальше иметь беспрепятственный допуск на западные рынки, особенно в случае затягивания нынешнего кризиса. И все же есть основания полагать, что комбинация факторов, благодаря которой КПК продолжает управлять страной (инерция, повышение уровня жизни значительной части населения,

умелое использование поощрительных и репрессивных мер), позволит ей сохранить свою власть и в обозримом будущем.

Специфика 2009 г. заключается в том, что на него приходится множество юбилеев, способствующих активизации различных общественно-политических сил и тем самым делающих задачу «обеспечения стабильности» еще более непростой. В марте исполнилось 50 лет с начала Тибетского восстания 1959 г., 25 апреля — 10 лет с начала репрессий против приверженцев секты Фалуьнгун, 4 мая — 90 лет патриотическому движению пекинских студентов, известному как «Движение 4 мая», 4 июня — 20 лет с момента трагических событий на площади Тяньаньмэнь, в октябре будет отмечаться 60-летие КНР. По всем меркам текущий год — не совсем обычный для китайского руководства. Весьма показательно в этом плане, что еще в январе официальный журнал «Цю ши» опубликовал статью, предупреждавшую о том, что в этом году нельзя исключать серьезных беспорядков в стране. И действительно в последнее время китайские власти сталкиваются с нарастающим потоком локальных массовых протестов, забастовок и т.п. По некоторым данным, их число достигает 90 тыс. случаев в год. Недаром КПК уделяет такое внимание повышению эффективности полиции и сил быстрого реагирования. Координацию этой работы осуществляет Канцелярия Рабочей группы ЦК КПК по сохранению стабильности во главе с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнканом.

* * *

По мнению многих экспертов, хотя мировой кризис еще далек от завершения, Китай уже прошел самый опасный участок пути и близок к восстановлению докризисных тенденций развития. Так это или не так, покажет будущее, однако не вызывает сомнений, что из аутсайдера международной системы Китай превратился в заинтересованного ее участника и, безусловно, будет стремиться к большему — к положению ее лидера. С наступлением нового этапа глобализации, наряду с трансформацией самой международной системы, происходит и «мирное развитие Китая» (кодовое выражение, заменившее в современном китайском общественно-политическом лексиконе выражение «мирный подъем Китая»). Это свидетельствует о коренном изменении его места в мировой политике, главным содержанием которого в экономической области является высокая степень интеграции в мировую систему, а в области политической — движение от периферии к центру.